

9 - ИЮН 1984

Комсомольская правда
г. Москва

2207

— Вячеслав Леонидович, когда Вам было семнадцать лет, кого Вы могли назвать мужественным человеком?

— Андрея Болконского. Капитана Тушина и всех солдат его батареи. Долохова. Кажется, все детство пытался рисовать иллюстрации к «Войне и миру», рисовал портреты героев без конца. Тогда, наверное, и определилась моя первая профессия (я долго работал художником-графиком). Ну а еще — Джек Лондон, его герои. Все мальчишки нашего двора ими просто бредили — такими же настоящими мужчинами, немногословными, решительными, отважными хотели стать.

Жили мы в Москве, на Третьей Мещанской, теперь это улица Щепкина, у нас существовал свой, так сказать, дворовый кодекс чести: слабого, скажем, было стыдно обижать. Было не принято, к примеру, драться не на равных — бывало, двое во дворе дерутся, а товарищи с той и с другой стороны поодаль, ждут исхода борьбы. Двое или трое на одного не шли. И уж просто никто не мог представить, как мы, пацаны, стали бы драться со взрослым человеком.

— А потом?

— А потом началась война. И мы пошли воевать. Вообще-то мне повезло: я на фронт попал из кадровой армии, отслужив два года. Армии очень благодарен: она научила дисциплине, четкости мысли, трудолюбию. Армия в конце 30-х была настоящей школой товарищества.

Во время службы я впервые подумал о войне. Было это на Дальнем Востоке, во время маневров. Маневры окончились, орудия отгрохотали, и я увидел, когда весь день рассеялся, пехоту. Ничего бравого в ней не было. Была огромная толпа черных от усталости людей. Я тогда подумал: «Наверно, война — это и есть толпа бесконечно усталых людей».

Скоро срок моей службы истек. И вот война. Мы, отслужившие, к ней, конечно, пришли более подготовленными. Зеленые наши товарищи ехали на передовую подчас, как в творческую командировку, не зная и не представляя толком, что впереди. А мы отправлялись на тяжелую, изнурительную работу. Помните у Кульчицкого: «а ведь война не фейерверк»? Мы очень ясно это чувствовали. И быть мужественными для нас значило — быть честными, выполнять свой долг. Воевать, выбирать (все равно — командир ты или рядовой) — правильное, грамотное решение, работать. Мужество не в том для нас состояло, чтобы один раз повестись в атаку, не в жисте, не в одном поступке, а в том, чтобы трудиться вместе со всеми для Победы. Быть вместе со всеми. Быть, как все.

Так было на фронте. И в тылу. Люди как будто менялись: коммуналки оставались, а коммунальных склок стало меньше.

— А Вам самому было страшно?

— А этого не видно в моей книге?

Идет читательская конференция. Даже не конференция — встреча со студентами Московского государственного университета. Обсуждается «Сашка».

Первым поднимается парень, типичный по виду представитель студенческой молодежи, типичный объект нареканий со стороны старшего поколения. Парень волнуется.

— Я тут готовился, — говорит он, — вот и шпаргалку написал, и цитаты. Вообще-то я с Вашим произведением согласен не во всем, у меня есть своя концепция... Но я не про то. Знаете, у меня дед до Берлина дошел. Не часто с ним разговаривали, он не любит много говорить, но когда я думал о войне, то представлял как будто две войны: одну — по фильмам, а вторую — ту, про которую дед рассказывал. Вы написали — ту, дедову...

Следом поднимается студентка.

— Вы пишете про войну. Только про войну, хотя столько времени прошло. Бой, сра-

жения... Неужели Вам ни о чем больше не хотелось рассказать? Надо ли это?

— А Вы тогда зачем сюда пришли?

Голос с места:

— А как Вы думаете, мы Вас понимаем?

— Не знаю... Хочу, чтобы понимали. Надеюсь...

Вячеслав Леонидович, что Вы думаете о нашем поколении? Что Вы в нас не принимаете? Что Вас, может быть, радует?

— У каждого поколения — своя тайна. Хотя бы тайна быть не до конца понятыми старшими. Я вот дочку свою не всегда понимаю, а вы говорите, поколение. Я, конечно, могу быть недоволен и тем, что постоять за себя, скажем, не умеете, что сильный сейчас не боится обидеть слабого. Девчонки, наоборот, стремятся себя вести по-мальчишески. Но тут же себя останавливаю — а может, я не прав? Может, не понимаю?

тес своим «геройством». — Вы сочинитель плохой фантастической ленты. Настоящий герой — реалист и практик, а не позер.

— Почему у Вас так мало про любовь? Ведь нам очень важно знать, как в Ваше время любили.

— Разве мало?

Разговор не затихает. Студенты говорят о своих сверстниках тех далеких лет. Как ни много написано и снято о войне, все равно мы мало ее знаем, нам не хватает этого знания...

Вячеслав Леонидович, герой Ваших произведений — молодой боец, почти мальчишка. Его взросление — война. Он порой проницателен, порой задирист, но одно качество присутствует, наверно, ему безоговорочно: он всегда ведет себя как мужчина. Не пытались ли Вы представить Вашего героя в сегодняшней действительности? Как бы он повел себя?

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

НА СВИДАНИИ И НА МАРШЕ

мужчина должен оставаться мужчиной, —
считает писатель Вячеслав Кондратьев

Я вашему поколению, скажу честно, — сочувствую. Мы на ваши плечи взвалили тяжкую ношу наших надежд. Несбывшихся желаний. Мы вас так много воспитываем, рассуждаем о воспитании, о нравственном уроке... Когда мы, довоенной поры мальчишки, росли, много ли нам говорили о нравственном уроке?

Мы на вас взвалили нами созданный достаток.

В конце сороковых годов Константин Симонов говорил, что выдержано испытание войной, впереди — испытание сытостью. Фраза стала расхожей и по сей день звучит. Вы не только сытостью — сознанием сытости сейчас испытываетесь. Как вы выдержите это испытание? Не знаю.

Читать нужно больше, читать! Почему вы так мало читаете? Я не против кинематографа, он прекрасен, но кто, как заменит Пушкина и Шекспира, Толстого и Гете? Парадокс: книгоиздательское дело растет, а молодежь читает меньше, чем в нашу пору.

Вы поздно начинаете читать. Ведь каждую книгу надо узнать вовремя. В свое время. Иначе вам будет не доставать ее мудрости, ее романтики. Очень многие книги нужно пройти в юности, в отрочестве. Потом вы вернетесь к ним, но первый раз «Войну и мир» надо читать не по программе в девятом классе общеобразовательной школы, а в двенадцать, тринадцать лет! Так же — Пушкина, Тургенева.

Я уважаю педагогику. Бесспорно, и курс эстетики, и курс подготовки к семейной жизни школьнику пригодятся. Но едва ли будет от них толк, если подросток не освоил «Преступление и наказание» или «Анну Каренину». В нашей классической литературе живет великий заряд человечности и ума, питающий многие поколения, воспитавший их. Воспитавший наше, военное поколение. И на вас тоже хватит.

Встреча с писателем продолжается.

— Почему Вы обрушились на кинофильмы военной тематики? Вам кажется, что молодому поколению не нужен пример героического?

— Нужен действительно пример героического, а не фантастического. Так же, как нужен идеал, а не идеалист на экране.

— А выступить на комсомольском собрании против бюро курса — это героизм?

— Если после Вашего выступления ничего не меняется и Вы успокаиваетесь и горди-

— Я лучше расскажу про один случай. Как-то после выступления ко мне подошел парень лет двадцати с небольшим. И говорит: я вообще-то военную литературу не читаю, в дороге случайно попала Ваша книга и как помогла! Хорошо, что Вы написали, как на войне трудно, как там все в подробностях происходит. Я почти два года вашего Сашку вспоминал, во сне видел. И когда было тяжело, сравнивал — а как бы он себя повел в такой ситуации? И становилось легче. Парень, как оказалось, служил в Афганистане, только недавно вернулся.

А перенести своего героя в современность я не пытался. Понимаю, вам интересно мое мнение, не измечтал ли, по-моему, мужчина. Вот тот парень, который ко мне подошел, мне кажется, в главном — такой же, как Сашка. В чем-то ему даже значительно труднее. И вообще, думаю, что по-мужски себя вести стоит в любое время — не только в пору военную. Я по крайней мере — за это.

— Что значит мужество в любви?

— Сила чувства. И чистота чувства. Последнее время, мне кажется, мы как-то слишком одномерно стали понимать любовь. Слишком бедно. И в искусстве тоже. Я уже говорил о кино — в той же экранизации «Сашки», не вполне удавшейся, на мой взгляд, лирическая линия совсем пропала. Почему? Во многом оттого, что встреча Зины и Сашки, скажем, предстала зрителю некой феерией, за которой пропало главное, пропала великая бабья жалость девчонки, сопричастность к жизни другого — остался один порыв. И — не трогает! У нас было очень немного времени на любовь, но иногда кажется, что мы умели любить полнее, сильнее.

Быть мужественным в любви, мне кажется, это значит — не дать чувству измечтаться, потеряться, растрагиться попусту. Ведь для того, чтобы любить, уже нужно немалое мужество, если хотите.

— Как можно, по-Вашему, воспитать в себе те качества, о которых мы говорили?

— Не бояться жизни. Не бояться поступка, не бояться работы.

А главное — определить, обозначить то главное, ради чего живешь, трудишься, борешься. Самую большую, самую серьезную задачу. И идти к ней.

Беседу записала

Н. АЖИХИНА.